

За дальнейший расцвет советской культуры народов Советского Союза, за новые успехи и завоевания советской науки, техники, искусства!

В авангарде человечества

В ежегодном праздновании 1 мая есть какое-то особое, ни с чем не сравнимое очарование. Оно возникает из ощущения радости жизни. Над землей пахнуло теплом и свежестью весны. Сброшенная оковы, проснувшаяся от зимней спячки природа спрыскивает торжество обновления. Все цветет, зовет к счастью.

С этой чудесной порой всеобщего пробуждения рабочий класс связал свой традиционный праздник борьбы за вечную весну человечества, за новую, счастливую судьбу мира. В день 1 мая он зовет трудящихся к единству, к солидарности, к установлению крепких уз дружбы между народами всех стран и континентов.

Во всем содержании первомайского праздника, в его жизнедеятельности нашел свое выражение оптимизм класса, призванный объединить все и всецело преграды к счастью, стереть грани векового раскола общества на господствующих и подчиненных, повелевающих и рабствующих, счастливых и несчастных. Эта благородная цель вытекает из интересов всех людей, и на какие бы страдания ни обрекали человечество его враги, этой заветной цели им никогда у него не отнять. Идея единства трудящихся, жившая когда-то как мечта, как неосознанное, стихийное стремление к сплочению, несмотря на все усилия врагов ее в грязь, стала боевым знаменем нашей эпохи.

Современный капиталистический мир, охваченный безумием войны, вместе с разрушением материальной культуры разрушает и свои собственные идеалы, служившие хотя бы иллюзорным утешением в жизни миллионов людей. Ни одной плодотворной идеи, которая могла бы указать перспективу народным массам, капитализм нынешней стадии не выдвинул. Наоборот, и старые декларации терпят свою привлекательность, как это можно видеть на примере с лозунгом «защиты демократии», выдвинутом поддателями и зачинщиками второй империалистической войны. На смену подсахаренным гуманитарной фразеологией лозунгам приходит откровенно-циничные провозглашения уничтожения «лишнего населения». Война становится в представлении этих одичавших павлинаторов патентованным целебным средством от безработицы, застоя в промышленности, в науке и культуре.

Идейная опустошенность духовной жизни буржуазного общества обезоценивает творчество людей науки, искусства и литературы. Фабер как-то бросил крылатую фразу по поводу труда писателя: «Была бы идея — слова найдутся». У современных литераторов, ставших на сторону организаторов войны, пошедших на службу в учреждения пропаганды империализма, нет за душой никакой идеи, кроме «идеи» прислужничества генеральным штабам, кроме задачи фальсификации общественного мнения. Писатель из канцелярий Жюль Жироу не что иное, как литературный фальсификатор, способный говорить с читателем только языком казармы. Естественно, что читатель платит ему презрением и уходит к классикам, чтобы отдохнуть от «страшеческой современности».

Война породила не только литературных фальсификаторов. У застигнутых враждебных писателей она вызвала колебания, растерянность, протрацию и отчаяние. Наиболее интеллигентская вера в возможность какого-то неопределенного «благополучного исхода», какого-то «спасения» исчезла, а новую веру они не умеют найти.

Но вопли отчаяния отчаявшихся в потемках и оцепенения литературных фальсификаторов все чаще заглушаются мужественным голосом передовой литературы. Невсе, Драйвер, Шоу... Их честный, смелый протест против империалистического изуверства, лжи и обмана находит широкий отклик и поддержку. На страницах журналов чаще и чаще встречаются призывы последовать примеру писателей-борцов за прогресс, мир и культуру.

«Мы помним, — пишет английский журнал «Литературный», — Горького, Барбюса, Невсе, Вайля-Кутюрю и мы спрашиваем словами Горького: «С кем вы, мастера культуры?»

В поисках выхода из идеологического лабиринта честные писатели всемерно приходят к сознанию общности их интересов с интересами рабочего класса. Надежда найти ответ на жизненные проблемы эпохи приводит их к СССР. Тут подлинное средоточие культуры, тут ответ на все сомнения, тут будущее мира, его судьба.

СССР — единственное государство, которому удалось не только отстоять свои мирные позиции, но и значительно укрепить их, вопреки стараниям всевозможных

любителей загребать жар чужими руками. Гениальность сталинской политики большевистской партии воплотилась в блестящем разрешении чрезвычайно сложных проблем международных отношений в пользу социализма, в неуклонном росте и развитии хозяйства, культуры, морально-политического единства народных масс, строящих коммунистическое общество. К 1 мая 1940 г. трудящиеся Страны социализма пришли с огромными победами в области внутренней и внешней политики своего государства, укрепили свое морально-политическое единство, обеспечили твердые условия мирного труда и творчества.

Еще раз убедились они, что самой верной гарантией мира в условиях, когда вокруг царит свистопляска империалистической войны, является военная мощь. Война в Финляндии достаточно исчерпывающе выяснила, какие планы делают империалисты из англо-французского блока. Но теперь и авторам этих планов достоверно известно, что всякие попытки повторить авантюру против СССР заранее обречены на провал. Разгромив линию Кирка-Маннергейма, героическая Красная Армия опрокинула надежды империалистов втянуть нас в войну. Границы СССР оказались действительно непротрунными, тогда как непротрунность линии Маннергейма, о которой на всех перекрестках кричали ее строители, оказалась мифом.

Ясность задач, стоящих перед народами, вытекает из той великой цели, которая поставлена перед ним социалистической революцией. Эта цель — коммунизм. Советские народы не знают спрятанных воровских, какие терзают сознание, мучают совесть многих и многих людей по ту сторону красных рубежей. Не знают их и советская литература. Служение народу стало почетной обязанностью писателя нашей родины. С гордостью мы можем сказать, что все роды литературного оружия — поэзия и проза, драматургия и публицистика, критика и литература для кино — участвуют в борьбе за коммунизм на равных правах с другими видами оружия, в том числе воинского. На фронтах в Финляндии перо писателя было приравнено к штыку красноармейца. Литература прочно вошла в арсенал тех могучих средств, с помощью которых советские народы строят новую жизнь, крепят оборону своей родины.

Многие писатели прошлого мечтали о той поро, когда литература сойдется с народным движением, когда между идеалами перестовой литературы и действительностью не будет разрыва, не будет противоречия. Социалистическое общество ликвидировало этот разрыв, создало условия, когда требования масс к литературе часто превосходят то, что она умеет создавать. Многогранная жизнь советского человека дает неисчерпаемый материал для писательского труда, для создания подлинно народных произведений. Чтобы отобразить из жизненного опыта масс самое ценное, достойное изображение, нужен зоркий глаз художника-большевика. Таким художником и должен быть советский писатель, «инженер человеческих душ».

Нет искусства более тонкого и более трудного, чем искусство воспитания человека. Но им должен овладеть советский писатель. Наше общество вступило в такой период своего развития, когда коммунистическое воспитание трудящихся выдвигается в число первоочередных задач партии, государства, а следовательно и литературы.

Товарищ Молотов говорил на XVIII съезде партии: «У нас создано столько предпосылок, столько возможностей для дальнейшего подъема и полного расцвета нашего общества, что теперь главное у нас состоит в коммунистически-сознательном отношении к своему труду и, особенно, в успешности нашей большевистской работы по идейному воспитанию разрозненных кадров советской интеллигенции».

Главное оружие советского писателя — глубокая идейность. Все, что вне идейности и партийности литературы, не может в наших условиях иметь ничего общего с искусством. Советская литература — самая передовая литература мира — развивается и цветет под воздействием и влиянием самых прогрессивных идей нашего времени — идей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, идей пролетарского интернационализма. В этом — залог ее дальнейшего роста, в этом — счастье каждого советского писателя, своим творчеством участвующего в великом деле строительства коммунизма, в борьбе за братство, мир и дружбу между народами.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ МОСКОВСКОГО ГАРНИЗОНА

29 апреля 1940 года № 4 Гор. Москва.

О ПАРАДЕ 1-го МАЯ 1940 года

§ 1. 1-го мая с. г. в 12 часов, в день смуты революционных сил Международного Пролетариата, на Красной площади начнется парад войск Московского гарнизона.

§ 2. На парад выведут: специальный полк участвующего состава Центральных Управлений НКО и батальон НВМФ, военные академии, военные училища РККА и НКВД, войсковые части РККА и НКВД, вооруженные отряды трудящихся и специальные школы г. Москвы.

§ 3. Парад будет принимать Народный Комиссар Обороны Союза Советских Социалистических Республик Маршал Советского Союза товарищ Ворошилов Н. Е.

Начальник гарнизона
Командующий войсками МВО
Маршал Советского Союза
БУДЕННЫЙ

§ 4. Командовать парадом Народный Комиссар Обороны приказал я.

§ 5. Форма одежды — летняя.

§ 6. Командирам частей выслать линейных и прибыть на парад, согласно особым указаниям Команданта города Москвы Комбрига тов. Ревякина.

§ 7. Командату Брестля Кообриту тов. Спиридонову произвести артиллерийский салют, согласно данных мною указаний.

§ 8. Общее руководство по поддержанию порядка во время парада возложено на Команданта города Москвы Комбрига тов. Ревякина.

Член Военного Совета
Московского Военного Округа
Армейский Комиссар II ранга
ЗАПОРОЖЕЦ

О демонстрации трудящихся

1-го МАЯ 1940 ГОДА в гор. МОСКВЕ.

Начало демонстрации в 14 часов. Трудящиеся, участвующие в демонстрации, собираются на свои сборные пункты у предприятий и учреждений и следуют на Красную площадь организованно районными колоннами по установленным маршрутам.

Продолж. лиц на Красную площадь по специальным билетам, выданным в 11 часов 45 минут.

Члены и кандидаты ЦК ВКП(б), члены Бюро ЦК и ЦК ВКП(б), члены Президиума Верховных Советов Союза ССР и РСФСР, Народные Комиссары Союза ССР и РСФСР, члены Исполкома Коминтерна, члены Президиума ВЦИК и члены Бюро ЦК ВКП(б) проходят по своим маршрутам.

Лица, идущие на Красную площадь со специальными билетами, должны иметь при себе паспорта.

Движение всех видов транспорта, за исключением автомашин со специальными пропусками, будет прекращено в районе Центральных площадей в 8 час. 45 мин. в колоне «А» — в 10 час. 00 минут из пределов Садового кольца — в 11 часов 00 минут.

Наблюдение за порядком и организацией движения колонн демонстрантов возложено на Начальника Управления РК милиции гор. Москвы — инспектора милиции тов. Романченко.

Первомайская Комиссия.

Майский привет

Ладони шелковые поднимая,
Встречают розы солнце Перемоая.
Гаряндоль алая роз ослеплена
Земля весны — мой страна родная.

Река степная весело струится,
Нагорный снег, как жемчуг, серебрится.
Поет в долине звонко соловей —
Поэт садов, любви и счастья птица.

Особенно сегодня сердце радо:
Гремят оркестры майского парада,
Знамена реют в ясной синеве,
В стремитиве песенного водопада.

Мы покоряем льды. Мы уголь роим.
Мы лупим лем. Мы детям школы строим.
Нет сил таких, чтоб нас могли сломить.
Привет и слава сталинским героям!

За танками идут полки пехоты,
За кавалерией — саперов роты
И краснофлотцы. С солнцем наравне
Кружатся боевые самолеты.

Мы любим жизнь. Нам мирный полдень
дорог.
Но если завтра на родных просторах
Поголов трубы возвестят войну, —
Узнает враг, как жгут советский порох.

Сыны Кавказа, Дона, Украины,
Карели, белорусы и мордвини
Обушат на врага выжженный гнев —
Удар стальной, стремительной лавины.

П если Сталин — наш отец любимый,
Народных армий вольды неустрашимый,
Учитель мудрый скажет нам: «В поход!» —
Мы в бой пойдем стеной несокрушимой.

Казахов конница, что в сталь одета,
Поскачет стеной, в золоте расцвета
По боевым следам Амангельды,
Дорогой батыра Махамбета *.

Как горы Ала-тау и Алтая,
Как крепость неприступная, стальная,
Стоит советской вольной Казахстан,
Восточные границы охраняя.

Река степная весело струится,
Нагорный снег, как жемчуг, серебрится.
Поет в долине звонко соловей —
Поэт садов, любви и счастья птица.

Путь птиц весенних — к солнцу золотому.
Поэта песня, учись к Брежневу седому,
Мой первомайский отнеси привет —
Стойте красной, Сталину родному!

Перевел с казахского
НИК. СИДОРЕНКО.

Алма-Ата.

* Махамбет — народный герой Казахстана. Был также и поэтом.

М. РАХИМИ

Сталинская весна

Серебристой жемчужной светилась ты,
Белым золотом хлопка окутана ты.
Каждый атом, согретый дыханием твоим,
Превратился в цветок... Не алхимик ли ты?

По пушистому бархату наших долин
Шорох трав шелковистых рассыпала ты,
Чтоб таджикские стройные девушки шли,
Не скрывая лица, не стыдясь красоты.

Облака разметала притихшая ночь
И глядя на тебя, наклонясь с высоты,
И звездой за звездой зажигает она,
Чтоб всмотреться в твои молодые черты.

Тает горе, как лед, в твоих теплых руках,
Сброшен гнет и не знает народ нищеты.
Не теби ли в веках ождала луна,
Приткнув над землей паранджу темноты?

Ты учила плоды наливать и зреть,
Мастерству аромата учила цветы.
Как стихи Низами, как стихи Анвари
Об отважной любви говорила нам ты.

Ты пришла, увела нас на солнечный пир,
Ты сняла с наших глаз пелену слепоты.
Спелый сок золотой виноградной лозы
Отделила... И мир наполнила ты.

Перев. с таджикского
Н. ПОЗНАНСКАЯ

Я стучу в дверь

Шон О'Кэйси — талантливый ирландский драматург. Лучшие его произведения посвящены жизни ирландского народа и его борьбе против британского владычества. Пьесы О'Кэйси «Тень стрельца» и «Юнона и Павлин» переведены на русский язык. Шон О'Кэйси твердо противостоит шовинистической пропаганде, царящей в Англии. Он неоднократно выступал в печати против врагов СССР и против лейбористских лидеров, предающих интересы рабочего класса.

В книге «Я стучу в дверь» О'Кэйси рассказывает о тяжелых годах своего детства. Книга эта запрещена в Дублине.

пейских, преграждавших ей дорогу, и нажала на студентов. Пустив в ход кулаки и пальцы, толпа отнеслась к студентам все дальше, дальше и воротам университета. Джонни слышал, как в университете звонили в колокол; он видел, как открылась массивная входная дверь, как хлынула из нее новая волна студентов, вооруженных палками; с пропительными криками студенты бросились на вырочку своим товарищам. Он видел, как полицейские, стараясь держаться ближе друг к другу, старались с толпой, колотая лубинками по головам; но все же полицейские падали один за другим, и разрянная толпа бешено топтала их. А когда в гущу толпы казался недвижимым кораблем среди будущего моря; лошади стояли смиренно.

Во всех кварталах Дублина, где жили порядочные люди, где работали порядочные люди, праздновали нечто, имеющее отношение к е величеству Виктории, королеве Великобритании и Ирландии и императрице Индии.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

В доказательство любви и преданности было зажжено множество огней. На декорированных столах, соединенных между собой прелестными цветными гирляндами, было выложено множество флагов, флажков, знамен, штандартов и разных других эмблем. Портреты королевы и членов королевской семьи были умело размещены в надлежащих местах, где все могла свободно любоваться ими...

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Возглавлявшие уважаемые люди, беззащитность и кофорт которых охраняли ладноприбранные отцы города, считая своим священным долгом веселиться и радоваться счастью и процветанию Великобритании и ее доминионам. Чтобы показать великодушное королевство и продемонстрировать свое ликование, они вывели все, что могли найти подходящего по цвету и размеру на окнах, стенах, заборах, балконах, куполах, шпилях, карнизах и всех прочих выступах, которые можно разукрасить. Все это были внешние и видимые знаки их веры в счастливую жизнь и благодатную смерть во время царствования ее всемогущего величества...

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кто-то из толпы достал веревку и перекинул конец ее через шест с большим королевским штандартом, развевавшимся на крыше баковского здания. Сотни рук дергали, тянули веревку, пока шест не треснул, и флаг, к восторгу толпы, слетел вниз. Люди боролись друг с другом, каждый хотел первым схватить флаг, чтобы разорвать его в клочья.

Кружок французских рабочих за изучением «Краткого курса истории ВКП(б)»

Рисунок художника А. Нюренберга

Литература и коммерция

М. ГРОУ

Что будет читать Англия в ближайшие годы? Издателя уверенно отвечают: в первую очередь — детективную литературу, такую, которая «отвечала» бы от неважного войны. На некоторые признаки могут рассчитывать и «легкие» романы. Что же до серьезных произведений, то их, по глубокому убеждению издателей, не будет читать, а стало быть, не будут и писать. Предприниматель твердо верит, что спрос рождает, а отсутствие его — убивает предложение.

Упомянутое произведение служит исключительно для развлечения. Книга такой же товар, как губная помада, — такой же коммерческое дело современного крупнокапиталистического издательства. Литература как общественное явление для него не существует. В писателе его интересует не творчество, не искусство, не дарование, а успех, тиражность, «имя». Слова писателя котурются, как фирма с обеспеченной клиентурой. То обстоятельство, что к «имени» приложен писатель, человек, предмет одушевленный, претендующий на право распоряжаться собою, являет некоторые неудобства и усложняет финансовые операции, но не меняет сути сделки. «Имя» приходится открывать авансами, по мере сил, обмывать. Покупают одну книгу и немедленно отменяют преимущественное право на покупку всех будущих произведений. Если авансы не покрываются расчетами, издатель не пользуется своим преимущественным правом, и тогда писателю подвергается своеобразному докату. Он терпит раскаты, как обанкротившаяся фирма, даже если его новое произведение лучше всех предыдущих. Издателя интересует не художественная, а только рыночная ценность произведения. Для того, чтобы назвать писателю свой вкус, нужны смекалка, риск. Буржуазное капиталистическое издательство избегает риска. Многие хорошие произведения не находят издателя.

Коммерция оказывает большое влияние на литературу. И коммерция и литература подчиняются действию одних и тех же факторов общественного развития. Но их воздействие друг на друга носит относительно характер. Литература на коммерцию не влияет. Предприниматели направляют развитие литературы по линии наибольшего спроса и наиболее примитивных потребностей читающего рынка. Это линия развлекательного чтения. На этой линии складываются классовые и личные коммерческие интересы предпринимателя. Эта линия и стала законом военного времени.

Если вопреки спросу и без спроса появляются серьезные литературные произведения, то это не вина издательства, а скорее их беда. Они ничего не делают для того, чтобы писатель мог писать то, что он желает. Недавно один канадский журналист опубликовал беседу с Пристли. Пристли объяснял, почему он раньше не занимался драматургией. «Пока я не сделал себе имени в качестве романиста, — сказал Пристли, — я держался в стороне от театра. Писать для театра было слишком рискованным делом. Теперь я могу позволить себе этот риск». Литературная коммерция определяла путь писателя. Только застраховавшись крупными средствами, сделал себе имя, обеспечив себе место в каталогах издательства, Пристли почувствовал себя достаточно свободным, чтобы писать то, о чем он, очевидно, давно мечтал. В обществе коммерсантов писатель и сам делается коммерсантом. Он пишет для рынка. Он ищет «страж-

ла, что скоро книги в Англии будут продаваться на ярдах, как ленты, или на вес, как уголь. На книги в 90 тысяч слов будет одна цена, в 120 тысяч слов — другая и так далее. Коммерческая библиотека стремится к уменьшению расходов и требует стандартных цен на автора, как и на бумагу и печать. Она стремится так же к стандартизации авторов и их продукции. Она желает сократить круг авторов, чтобы не тратиться на неизвестных.

Этим объясняется просят, выдвинутый одним издателем на страницах журнала «Наш». Публика, говорит он, смотрит на книги, как на кинокартины, — как на способ убить вечер, порадоваться. В кино и в книге ее интересует любовь, чувственность, детектив. «Публике совершенно безразличны эксперименты авторов», т. е. то, что автор желает сказать и как он это говорит. «В глазах публики автор отождествляется с роком литературы. Ах, этот — про любовь, а этот — про детектив».

На этом основании автор рекомендует издателю составлять списки намечаемых к выпуску книг по родам: про любовь — столько-то, про путешествия — столько-то, детективных — столько-то. А затем поступать подобно директору кинозаставы. Когда директор решает, что ему нужна картина про любовь, он продумывает для нее девять смутные откровения в соответствии с тем, чем он рассчитывает порадовать публику, и затем назначает сценариста для осуществления своего замысла. Сценарий перерабатывается эпное число раз, и в конце концов получается, хоть и совсем не то, что первоначально наобещал директор, но во всяком случае то, что он рассчитывает с успехом продать публике.

«Надо создать в литературе определенные стандарты», — говорит циничный автор, — как это сделано в отношении виски и бренди». Тогда можно будет рассчитывать и на большие тиражи.

Литература, виски — да это же одно и то же! С этим открытием коммерсанты литературы бодро идут навстрочу всевозможному будущему.

КНИГИ ПОД ЗАПРЕТОМ

В своем «Острове пингвинов» Франс рассказывал, какими сызскими методами — грабежом, насилем, клеветой — правящий класс пингвинов насаждал «цивилизацию». Блестящая сатира Франса беспощадно разоблачала демократические претензии предшественников нынешних правителей Франции. Прошло немало лет, и вот, в наши дни, бессмертная книга Франса вновь оказалась неожиданно влюбленной, настолько влюбленной, что нынешние носители французской «культуры» — пресловутые 200 семейств — потребовали изгнания из продажи «Острова пингвинов».

Теперь французская полиция имеет право арестовать всякого, кто продает или купит в букинистическом магазине или классическое произведение французской литературы.

«Нью мэссэж» пишет, что во Франции запрещена также «Железная пята» Джона Лондона. Правительство Даладе усмотрело в этой, столь популярной у передовой молодежи всего мира, книге прямые намеки на 200 семейств и вредные идеи, способные подорвать авторитет империалистических воинов «цивилизации».

Вслед за книгами Франса и Лондона под запрет попали «Мать» и «Детство» Горького, «Взрост без детей» Майкла Болла, произведения Джона Рида.

Как сообщает «Дейли уоркер», американское рабочее издательство «Уоркерс бушоп» отныне открывает специальный отдел книги, уничтоженной «железной пятой» Даладе.

Похоже на то, что, по мнению английских писателей, английский роман скажет все, что мог, и изчерпал себя. Так думает и Пристли. В цитированной выше беседе он сказал: «Я чувствую, что в романе больше нечего сказать». Писать же, добавил он, «интереснее и труднее писать». Есть ли о чем говорить в шпешак, — Пристли не объяснил.

Трудно согласиться с тем, что английской литературе нечего больше сказать. Верно, пожалуй, обратное. Теперь-то именно английской литературе и заговорить бы полным голосом. Теперь-то как раз нашлось бы ей что сказать. Грозная арестовать весь не только в Америке, обильный урожай могли бы сыграть и английские писатели. Но в садах Пристли эти грозды не культивируются. И у Олдингтона нехватает, по видимому, грозы.

Следует ли думать, что Олдингтон разочаровался в самом себе? Он еще чего-то недоумал и, может быть, додумает, как Стейнбек. Но как бы то ни было, Олдингтон прав в отношении мрачности существующего положения. Он объясняет это положение тем, что Англия стала страной пролета, книга вместо покупки книг. В Англии развилась система коммерческих передвижных библиотек со множеством филиалов. Такая система, вообще говоря, должна была бы оказать благотворное влияние на развитие литературы. Читаемые книги увеличиваются. Но литературные коммерсанты ухватились за библиотеки превратить в погреб для литературы. Библиотечное дело монополизировано несколькими крупными предпринимателями (о некоммерческих библиотечках мы поговорим, если страдать от недостатка средств). Библиотечные коммерсанты стали почти монополиями элитных издательств по самым трудным для последних книгам — менее ходовым. Литература оживает уже не только капиталисты издательства, но и капиталисты библиотек. Последние заинтересованы в унификации книжной тематики и книжных цен. «Рейнхольд ньюс» недавно писат-

Виктор ФИНК

ПИСЬМО

Несколько раз в жизни имел я счастливую возможность встретить весну и месяц май во Франции. Это было давно, я был студентом в Латинском квартале, это была весна моей жизни, она была насыщена благоуханием, тем особым благоуханием, которое отменяет Францию и Париж среди всех стран мира, которое заставляет любить ее каждого, кто ее знает, которое делает ее второй родиной каждого, кто жил среди ее мягкой и доброй природы, среди ее умного, трудолюбивого и щедро одаренного народа. Я могу повторить за Монтенем, что Парижу принадлежит мое сердце и что я тоже немного чувствую себя французом именно благодаря этому великому городу, «препятствующему славу Франции и одно из наиболее благородных украшений мира».

Я жил во Франции и в те годы, когда весны были так жестоки. Война скакала по стране, и смерть шла в полях.

Мне запомнились один весенний день. Это был ясный майский день. Я видел его в местности, называемой Блан-Сабло, на Эно. Это перел Кроной, близкий Крайон. Голубое небо расступилось над нами, светило теплое солнце, и в прозрачном воздухе влетали в разностиль облачка, похожие на комья ваты. Они влетали, разрывались и исчезали, и снова воздух делался чист и прозрачен, потом они снова влетали. Это ширинель разрывалась вокруг одинокого аэроплана, неосторожно забревшего за волевою черту. Случилось далеко, где-то за Берри-о-Вик. Мы не слышали ни выстрелов, ни разрывов, все было тихо вокруг и безмятежно. Это была весна, май 1915 года, случайный час затмился на Шампо-де-Лам. Мы только видели игру ярких облачков в воздухе.

Невольно ко мне обратился солдат из моего взвода полков Т. Одаряя полнебную ясность, холмы, лесок, канал, сверкавший вдалеке, голубое небо и покой, неожиданно упавший на разрушения, сказал мне со вздохом:

— Ах, Финк! Как здесь должно быть хорошо в мирное время года.

Я отчетливо вижу этого солдата сейчас перед собой. Это был тихий, бледный паренек, один из множест-

ва выходцев из России. Их было тысячи двести в нашем полку. Он уже говорил по-русски так же плохо, как по-французски. Потому и получился у него это велекое, запомнившееся мне выражение «мирное время года».

Оно расшептало меня, и я как будто увидел этого пареня впервые. Я стал расспрашивать, кто он, какое место было у него в жизни. Он, собственно, был никем и ничем. Он прожил в Париже в квартале Тампль и был рабочим в какой-то мастерской.

Это был некультурный и маленький человек. Я подумал тогда: «Что ему Гелуба? Что он Гелубе?» Почему пошел он добровольцем на войну, почему дал он себя записать в Иностранной легион, почему он молча, безропотно и терпеливо снесил тот особый режим Летиона, которому нас подвергли, хотя он был создан для каторжников, а не для идеалистов, какими были мы все? Почему пошел он добровольцем на войну, этот маленький человек, которого никто не принуждал к самопожертвованию? Он не учился в университете, любил мне, он не знал литературы, политики и философии, он не умел отчетливо ответить на мои вопросы.

Но даже из нескладных его объяснений можно было понять, что он принадлежал ко второй из трех категорий, установленных Наскалем: он искал бога и не находил его.

Конечно, он искал не того бога, который сам сидит в небесах, а на земле терпит войну, ее разрушения, гибель, болезнь, разорение человечества. Солдату нечего делать с таким богом, который к тому же принимает лары от обеих воюющих сторон, толь-то-то, как самый обыкновенный агент-трионик.

Но маленький трусливый, каким был мой солдат до войны, все же принадлежал ко второй категории Наскала. Он все же искал чего-то и не находил. Он знал, он чувствовал на себе, что мир устроен плохо, что в мире царят насиле и неправда, что в Европе душно, он слышал, что человечество уже открыло множество светлых истин, которые могли бы сделать счастливой жизнь людей, но кто-то присвоил себе эти чудесные истины и бере-

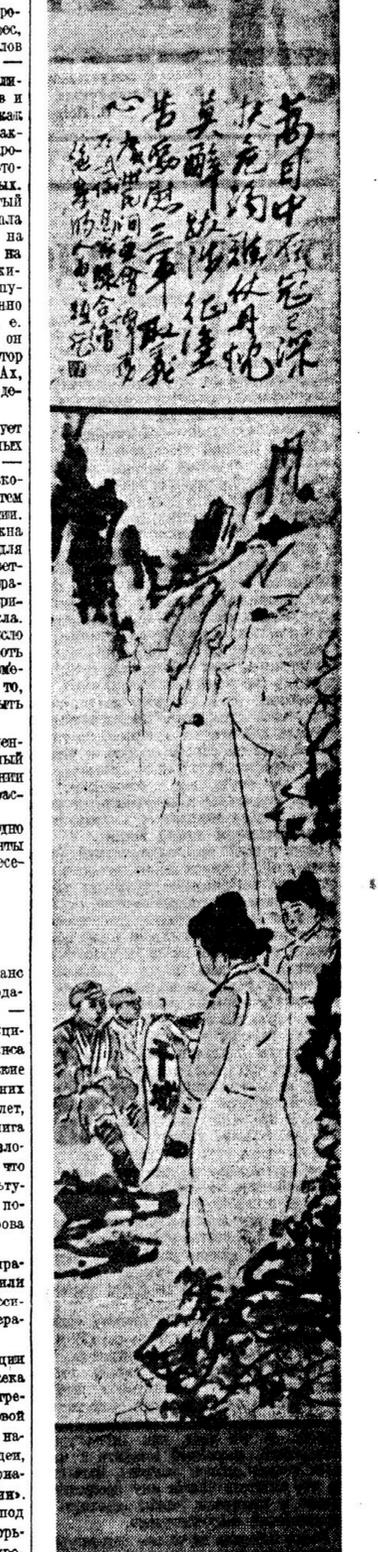
жет их для себя и не отдает человечеству. Он находился до войны в том состоянии, в котором находится и сейчас, по слову Наскала, делая человека безразумным и несчастным. Потому, когда пришла война и люди, которых он привык читать и уважать, — писатели, художники, журналисты, проповедники стали убеждать его, что это и есть истинно война за справедливость, он бросился в нее, очертя голову.

И потом потерял его из виду, этого бедняку, с его «мирным временем года». Я не знаю, вызвал ли он. Были выходы, то ему предстояло узнать, что кто-то обманул его истинное сердце. Он возмал за справедливость? Он победил? Что же он завоевал? У него не было никаких шансов сделаться охиком из тех двух-трех тысяч удачников, которые, как говорил Волстер, умеют воспользоваться народным бедствием и переместить в свои ступни несметные богатства, которые страна затрачивает на ведение войны. На это у него не было никаких шансов. Когда наступил мир в эти удачливые насладившись своим богатствами, он, бедный идеалист, был вынужден вернуться на свое прежнее место, в ряды труляющихся населяния, того, которому предстояло спать под бременем налогов, необходимых для оплаты военных долгов.

С этого места он увидел, он не мог не увидеть, что его обманули.

Для него, для меня, для нас всех, людей четвертинадцатого года, война имела своим результатом прежде всего гибель наивно и доверчиво идеализма. Его разстали на фронтах, и мы видели это. Прах его был порван в пыль, и это мы тоже видели. Поколения четвертинадцатого года в массе своей утратили веру в розовый и брилли.

Не кажется ли поэтому непостижимой та смелость с которой правители Европы снова положили почти весь континент в бросили в огонь тех самых людей, которые проделали войну четвертинадцатого года и вернулись домой с вырванной душой и убитой верой.

«Работа женщин в армии» Художник Тамь Юн-Дзи Экспонат китайской выставки в Музею восточных культур

Снова поля опустели от птиц, снова земля терпит оскорбления и надругательства. Конечно, и теперь находятся люди, которые пытаются сыграть гимны в честь этой войны, возмечивать ее, по крайней мере, находить для нее оправдания и предвидеть радость от возможной победы. Но что получил за свои страдания солдат, победивший в 1918 году? Что стало ему победой на сей раз?

Массы дали утнать себя на войну. Но кое-кому не следовало бы обольщаться. Массы уже знают все-таки, что словами о цивилизации и христианстве, о свободе и культуре, о государстве и нации прикрыта самая пыменная борьба торговых и финансовых интересов. Массам безразлична частная и спорная правда какой-то вразлупивших групп, ибо они, массы, знают, что миру на земле мешает только алчность их утнателей.

Нам, советским людям, которые смотрят на несчастье Европы с высоты своего нового познания, нам эта смелость европейских правителей, поджигателей войны и убийц свободы, представляется тем жестоким растерянностью и ограниченностью, при которых все становится безразличным, лишь бы прожить, спасти себя и свое добро, а там — хоть потоп.

Да, нам уже видны грозные тучи, собиравшиеся в небе. «Бура! Скоро грянет буря!» Она неминуемо принесет потоп тем, кто смышлом смею и самоуверенно думает, что потому приходит после них. Благовоющая и безжалостная стихия сметет их с лица земли. Она освободит народы. Тогда новая эра, освободившаяся в мире и труде откроется перед измученным человечеством. Это будет новая весна людей. Она наполнит жизнь благоуханием мира и кипучей свободой. Она сделает жизнь тем, чем жизнь должна быть, — садом, в котором прелегут науки и искусства. Эра эта уже началась в нашей стране, и неизбежность ее развития может быть доказана так же непосредственно, как доказывают истинные математические. В этом источнике надежды и сил толк несчастья человечества, терпящем которого слишком злоупотребляют. Оно ждет своей весны и чуует ее приближение.

НАВСТРЕЧУ МАЮ

Любимая, не сетуй, причитай,
Что весны все идут, что зими
пролетают.
Пуськ мороз сменялся летом жарким,
Ребенку новому мы силу жизни дали
И сквозь года проходим без печали,
Как сквозь пролеты триумфальной
арки.
Растут дома.
Ложатся камни в три ряда,
Кувалды гулко бухают по шпалам.
Из деревушек
Возникают города,
А город волю дал рожденным вновь
кварталам.
Снуот строители,
Все в глине и в известке.
А взгляд прораба строг — он о труде
их судит.
Каналов и дорог
Распугаются отроки,
Готовые служить для праздников и
буден.
Из дымки утра выплыли заводы,
Сады, где зреет плод нежданной
породы.
Простор омыт грозой и радугой
распечен,
И малыши бегут родителям навстречу.
В день праздника их смех разнесится
с утра.
О, свежие ростки! О, майские ветра.
Перевел с еврейского
ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

Гуго ГУППЕРТ

МА И

Он склони, влюбленный и щедрый —
Земля помертвела, черна,
Он сеет в остывшие недра
Магических сил семена.
Дыханьем своим в лазаретах
Продляет он раненый век,
Смирятся в долинах согретых
Весеннее бешенство рек,
И гонит он мутные воды,
И вскоплет цветы и трава.
«Зари не просните, народы!
Готова к парад у Москвы!»
В немую безбрежность эфира,
Он слово призывное шлет.
И даже на полюсе мира
Речам его внемлет народ.
Он радует братским приветом
Все нации, все племена,
И рдяным сияющим светом
Он спящего будит от сна.
И мощным салютом свободы
Свон утверждает права.
«Вставайте на праздник, народы!
Парад принимает Москва!»
Перевел В. АЛЕКСАНДР.

Ю. БОРЕЙША

Путь Ванды Василевской

Еще вчера на стенах Львова голубели
портреты и предвзвешенные плакаты с
изящно-романтическими и депутатскими
Верховного Совета СССР Ванды Василевской;
завтра на полках книжных магазинов по-
явится ее новый роман, первый из цикла
«Они на болоте»; сегодня следовало бы
объяснить, как случилось, что эта писа-
тельница заняла такое выдающееся место
в культурной жизни советской страны.
Василевская не только пошла дальше
польской литературы, из которой она вы-
росла, ее творчество стало в известной ме-
ре отрицанием того, что было сделано ее
литературным поколением, отрицанием
той общественно-культурной среды, в ко-
торой она родилась.
Василевская — дочь польской интелли-
генции, той интеллигенции, которая несла
на себе проклятие вечных сомнений и
внутренних раздоров. Как в криком зер-
кале, отражалась в сознании этой интелли-
генции судьба польской мелкой буржуа-
зии, которая, не успев освободиться от
Еще в творчестве некоторых радикальных
польских писателей — выходцев из сре-
дней интеллигенции (хотя бы у Сте-
фана Жеромского) чувствовалось стремле-
ние в высь, то вскоре оказывалось, что
крылья слишком коротки, что они подра-
жают прогрессивности — прямой путь к мистици-
зму (Болеслав Прус, Стефан Жеромский).
Радикализм литературных деятелей вер-
сальской Польши был еще более худым,
высшим из кукушковых яиц шляхетско-
мещанской культуры; мало что нахо-
дилось в себе смелость и мужество, чтобы
выступить против общественной неправды,
против угнетения народа. Как же об-
рисуется советскому читателю состояние
духа этих людей, сложных, внутренних
наломанных, находивших наслаждение в
болезненном и нездоровом?
Вспоминаю одно из наших последних
выступлений: мы собрали среди писате-
лей книги для поляков — борясь за
свободу Испании, которых «демократи-
ческая» Франция Даладе заключила в кон-
центрационные лагеря. Один жертвовал
книги, прося и умоляя, чтобы никто об
этом не знал. Другие отказывали, утвер-
ждая, что «восмиска польских книг во
Францию — это империализм!» (В этой
атмосфере лицемерия и приторности пи-
сатели типа Ванды Василевской насчиты-
вались единицами. Потому-то Василев-
ская и была антизой своей среды, пред-
вестником нового типа интеллигенции-гума-
ниста.
Так же, как дворянская литература в
ходу своего заката создала тип сантимен-
тального, анемичного, гонимого роком че-
ловека, уходящая культура капитализма
преподнесла тип андре-жидовского де-

неративного интеллигента с фрейдистски-
ми комплексами. Ванде Василевской по-
добные умонастроения были совершенно
чужды. Если можно говорить о ее творе-
нии, то им был ясный, чистый, здоровый труде-
лизм, которому даже в самое тяжелое
время удается сохранить веру в будущее.
Никакие тяготы жизни не нарушали гар-
монии внутреннего мира Василевской. Она
всегда находила путь к действительности,
— во время ли забастовочных кампаний в Кра-
кове, во Львове и Варшаве, во время ли
еврейских погромов, во время ли реши-
и в тюрьме или в Березе Картуской.
2.
Первая книга Ванды Василевской — «Об-
лики дня» была скорее публицистиче-
ским, чем художественным произведением.
Польская проза сошла с пути, который,
казалось, указали ей прогрессивные пи-
сатели конца XIX века. Цветистый стиль
барокко, а вместе с тем — жалкая офи-
циальная тенденция идеализировать лю-
дей литературы Ницшедовско преобладала
в прозе одного из виднейших ее представи-
телей — Юлиуса Кален-Бандаровского.
В литературе версальской Польши было
самое невероятное смешение стилей — от
реалистично натуралистичного отступления
до реализма к безжалостному психологиче-
скому анализу. В такой атмосфере
самой острой мистике. В такой ат-
мосфере репортаж стал справедливой
и здоровой реакцией. Польская левая ли-
тература ответила последним натурали-
стичным, психологичным и мистическим в романе
— репортажем, грубо срывающим маски,
отрицающим всякие психологические
копанию, всякое установившееся суждение.
Именно такой формой художественного
протеста была первая книга Василевской
«Облики дня».
Для стиля этой книги характерно не
только отсутствие длинных периодов, но
даже дополнительных предложений. Если
встречаются дополнительные предложения,
то Василевская относит их к ряду пред-
ложений самостоятельных, лишь бы уп-
ростили синтаксис. Так, например:
«Стало быть отрав мальцы. Передвига-
ние шкафа по всей комнате. Оширивание
книжком ног в рассохшемся ведре.
Крычок под вазу. Вешенье удары
мудящих кулаков. Тоже ничего. Или
под. Баян. Обжигающий горький отвар
оленя. Усуждающая подруга. Нащепты-
вание старухи, живущей по соседству.
Советы кукушечки».
Простейший подбор слов — так, будто
каждое ясное и простое слово должно
служить ответом на цветистость речи
сторонников стиля барокко. Отсюда часты
натуралистичные изливания в выборе
слов — грубых, сильных, обмундирова-
нных. И при этом откат от всякого психо-
логического анализа. В «Облики дня» мы
видим стремление к общению, таинствен-
ности, словно автор хочет подчеркнуть, что
данное явление — повсеместное, типич-
ное, что страшный образ нужды народа
есть явление общее.
«Дни текут одинаковые, словно вальс

дождя по грязному стеклу в окне. Вален-
ки, сапоги, штиблеты, деревянные санда-
лы выстукивают их ритм по одной и
той же дороге. Ноги маленькие, ноги по-
меньше, и ноги самые маленькие кажда-
го день утыкаются одну и ту же тропинку:
обходят громадную гряду возле пещеры.
Бредут по липной гряде перекула. Сту-
чат по каменистым плитам тротуара. Сби-
вают носки о твердые кружки булыжников.
Скрипят по гранью к двери».
Таким и стиль диалогов, такова манера
описания людей. Все для обобщения, для
типизации явления, для подчеркивания
его всеобщности. Но в данном случае нам
важно не то, что писательские приемы в
«Облики дня» далеки от реалистичных;
важно, что на фоне тогдашней
польской литературы такое грубое, реши-
тельное обожание классовой правды бы-
ло последовательным протестом против
реакционного искусства.
3.
Вторая книга Василевской — «Родина»
аннуетирует новый этап в ее творчестве.
Тут уже ясна тематика: бесправие жен-
щины, классовое угнетение. Те самые но-
ты, что звучали в поэзии Мариин Коню-
шников, которую известным критиком Адам
Харшевский называл Некрасовым поль-
ской поэзии. Помощница эксплуататора не
раз служила темой и для романов Ябло-
новского. Но в поэзии Конюшников было
чрезвычайно много sentimentalности, за-
емчивейшей картины классовой борьбы. А
у Яблоновского мы не раз встречаемся с из-
ящными пейзажами, с крестьянской жизнью.
Василевская смело, без оглядки, пошла
к проблеме классовой борьбы в деревне.
При этом не без некоторой sentimentalности,
то здесь, то там проскальзывающей
чувствительности. И в «Родине», и даже
еще в «Земле в ярме» наряду с удивитель-
ной силой и мужеством мы чувствуем
мягкость и sentimentalность, как бы
напоминающие Конопницкую.
«Люди разволновались, хотя батракам, прав-
да сказать, и печему было радоваться.
Весна не расцветала для них ни голубыми
цветочками вода воды, ни мажораном
и опороде. Не смеялась белоснежная
и белая и белая и белая и белая и белая
в своем садике. Не застывала густыми
зелеными всходами на своем поле».
Как же тут не вспомнить Конопницкую:
Зачем же вы, холодные росы,
Падаете,
Когда я вас, когда я босая,
И голод в хате?
Разве вам мало слез человеческих
На земле,
Что ночью эта слышит слезы
в серебре».
Однако, повторяем, если sentimentalность
у Конопницкой принимала классовое
значение ее поэзии, то sentimentalность
Василевской только обогащает ее творчество
и еще больше подчеркивает грубую, об-
надежную правду классовой борьбы в
Польше.
Пейзаж «Родины» начинает уже приоб-
ретенный окраску, менять цвета, сюжетный
конфликт дополняется конфликтом психо-
логическим.
4.
«Земля в ярме» — первая реалистиче-
ская повесть Василевской. Несомненное

влияние оказала на нее советская лите-
ратура. Писательница не гонится уже за
абстрактно-типичным, отбрасывает слу-
чайное, в единичном, конкретном находит
черты общего.
Типы обрисованы выразительно. Учи-
тель Винцент проходит в повести слож-
ный путь превращения: сфера, чуждый
крестьянской массе, он начинает питать
сочувствие к ней и в конце принимает
к революционному движению. Заключи-
тельная сцена как бы подводит итог
этому процессу:
«Внезапный порыв встряхнул Винцента.
Он был сильнее доводов разума, сильнее
боли сердца, — это был неодолимый
выдох, уносящий с собой, не дающий
вспомнить, разрушающий все преграды».
Его ноги вязли в песке, ледяной страх
поднимал волосы на голове. На одно мгно-
вение Винцент увидел их всех перед со-
бой: одно мгновение сотни глаз смотрели
на него. И он встал между ними, в тес-
ные их ряды, плечом к плечу».
Реализм, говорил Чехов, позволяет не
только поставить диагноз, но и прогноза.
Василевская в судьбе учителя Винцента,
героя книги «Земля в ярме», предугадала
общее явление. Книга эта вышла из пе-
чатей в то время, когда мы пятую неделю
сидели запертыми в помещении редакции
учительского журнала, отвечая итальян-
ской забастовкой на репрессии власти
против учительской организации: прави-
тельство Славко-Склядовского неожида-
но усмотрело в учителя своего первого
врага. Такое реалистическое предвидение
позволило Василевской угадать главное
в событиях на Волыни и дать их картину
в первом томе «Огня на болоте».
Sentimentальность, некогда свойственная
Василевской, в романе «Земля в ярме»
показана в романтическом свете. Если
творчество Василевской, при определен-
ном классовом направлении, реалистиче-
ским анализом фактов соседствует с роман-
тистическими элементами в стиле и в опи-
сании пейзажей. Тут сказались некоторая
культурная преемственность от Жеромско-
го.
В «Земле в ярме» есть то настроение,
которое известно советскому читателю
«Кануна весны» Жеромского. Отсюда —
некоторое сходство между судьбой Вин-
цента — героя Василевской и Цезаря —
героя Жеромского. Отсюда сходство об-
разов.
Повторяем, талант Василевской зреет,
растет на той самой почве связи реали-
зма с романтизмом, на которой созрел,
развился великий талант Жеромского.
И если после «Кануна весны» Жеромский
испытывал, пошел вопить, если для него
«Канун весны» был как бы предостереже-
нием, напоминанием, что мещанская, бур-
жуазная Польша грозит революцией, то
для Василевской «Земля в ярме» была
актом сознательного прихода к революции.
Дальнейшим, несомненно, высоким, этапом
ее творчества являются «Огни над боло-
том», с которыми вскоре познакомит
советские читатели.

ПРО НЕГО

В. ШКЛОВСКИЙ

и дом
упираясь в поля —
слуховым.
И в самом детстве
забытое, раннее
— я помню —
ведь обручало меня
жестянки овалы:
«Страхование —
Российского общества —
от огня».
Слова у отца непонятны: как —
полисы,
как лебет и кредит,
балласт
и казна...
И я от них бегал
и прятался по лесу,
и в козны
с мальчишками дум доводила.

III
Живет Петербург, в нем мальчик
«Оставь, не трогай» и девочка «В ладонь
глаза».
Это будущие друзья Маяковского, это
хорошие люди, не обычные люди своего
времени.
Но они входят в призыв нового времени.
Поэма написана о превращении людей, о
превращении их в революцию. Меняется
Асеев, меняется девушка с большими глазами,
меняемся мы все.
Время хочет переделать поэта, хочет
остановить его.
Он ему крылья
напрочь обрубал,
сitarой зажали
смысленный рот,
чтоб стал он картинкой
в их модном журнале
не очень опасных
построчных острот.

А он не меняется и становится все
опаснее для своего времени, опережая
его. В этой главе Асеев рассказывает о
любви, о Хлебникове, Пастернаке, о пяти
сестрах, и одной из них — Оксане.
Поэма нерасказываема, потому что когда
вспоминаешь из нее куски, не описывая
ритмом, которыми они связаны, то не пе-
ревозишь дом из поэмы в статью, а ло-
маешь его на куски.
Хлебников, «аудиторский зеленый сту-
дент», разговаривает с Маяковским.

Как два посла больших держав,
он сходилсь перемолво:
что тут таит
в себе, сдержав?
Какже за другим знамена?
Посол садов, озер, полей,
не слышим ли
дремучно
знамя?
А ты?
Неужто веселой
твоей город с мертвыми камнями?
— Но в городе люди живут,
а не вешни!
Что толку описывать
кляво лебедей!
— Но лебеди плещут,
а рожи трещут...
Не вешни ли делает
разум людей?
В русских летописях описывается, как
после Куликовской битвы трубили в сбор-
встав над полем, покрытым мертвыми.
Битва кончена, победа, путь пролог-
жается.
Поэт зовет друзей.
Между ним и другом встали враты из
«осеннего греза», но друг близко, он жив,
друг должен вернуться.

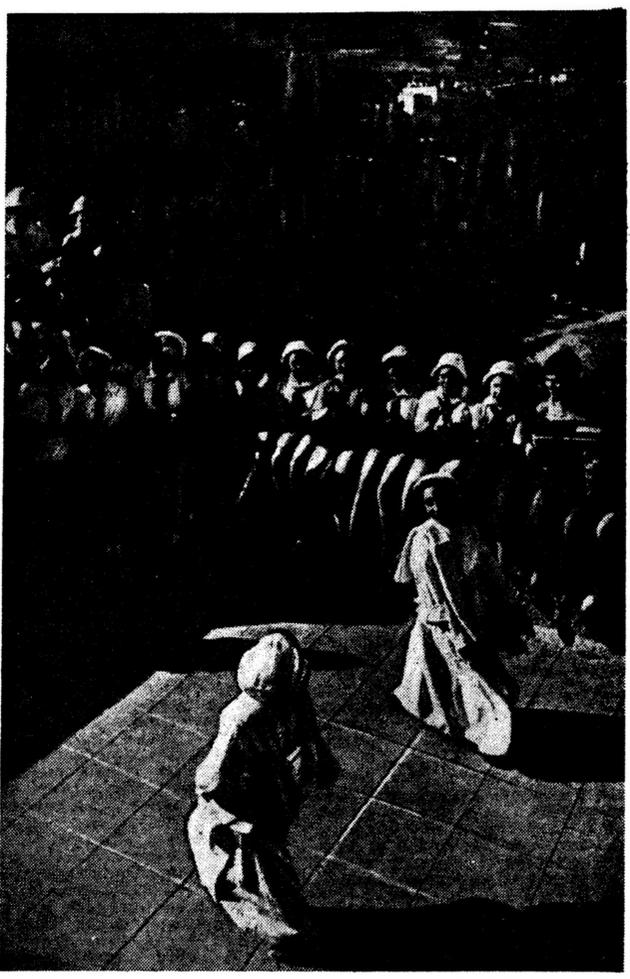
Создан новый, не четырехстопный, а
четырёхстопный стих. Амфибрахический.

эмбрические, дактилические впадают, как
войско многих родов оружия. Поэт Асеев
зовет друга.
Вель ты же умейшь
взрывать это лихо,
в четыре мотора
вырага пегаса.
А я не с тобой
симу в этот вечер,
и смеюсь не с тобой,
и в разные стороны
клонятся плечи,
хоть общие
сердцу страшны перебои!
Незавынный друг мой,
с тобой говорю я:
неужто ж безостаточно
расходится река?
Об общем истоке
не плещут, горюя,
и в разное море
выпадают навеки.

Превращение любви, превращение поэ-
зии, внутреннее становление революцион-
ной страны — тема поэмы или повести.
Рождение новой формы — дело трудное.
Байрон говорил о том, как трудно
воображению, даже изобретательному, из
бесчисленных эпизодов изобрести «замы-
ну поэмы».
Это говорит Байрон, видящий будущее.
Тот Байрон, который уважал и видел
Стендаля, искал его книги, чувствовал в
своем времени будущее время.
Из комнаты в комнату памяти идет
Асеев, размыкая Маяковского.
Он ищет его — веселого, живого, рас-
трачивающего сердце. Лирическая повесть
висит над миром. На лодке поит поэму.
Где-то лодка
в море чалит;
с лодки — голос
молодой,
и тревожит, и печалит
эта повесть над водой.
И сама влетает в уши:
«Золотистый-золотой!»
и окутывает душу
в свежий вечер теплотой.

Эта повесть превращается в поэму, о ней
мечтает Маяковский, и она возмущается
вместе с мыслью о нем, обогащаясь и
такая же лирическая, такая же теплая.
Над синевой углубленных рек,
над глубиной плодоносных ртут
встает он,
непреодоленный рек,
где будет
сладок
и пот и труд!
Наступит он
от всей полнотой,
чей облик
нам лишь по песне знаком,
— Но в городе люди живут,
«Приди, золотой!»
своим перекушанным языком.
И голос-сокол
сойдет на нивы,
неисковеркан и непобедим,
И мы его снова услышим вбыва
совсем неостраченным
и молодым.

Поэт Асеев рос, пове писал поэму-по-
весть, выросла повесть в поэму, Мая-
ковский продолжает свой путь поэта-по-
весть. Поэзия Маяковского побеждает во
всех песнях, во имя переосмысления, ре-
волюционизирования, очеловечивания
старой лирической, узкой и доходящей песни,
которая становится песней о новом, чело-
веческом счастье, о другой любви и но-
вом искусстве.

В АРТЕКЕ. Фотограф М. Альперта.

С. ВАРШАВСКИЙ, Б. РЕСТ.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Экипаж краснозвездной машины выпол-
нял специальное боевое задание. Три ге-
роя — пилот, штурман и стрелок-радист —
бесстрашно приняли неравный бой.
Самолет с вражескими опознавательны-
ми знаками на плоскостях, простреленный
пулеметной очередью, вопиющим, камнем
сорвался вниз и там, на белой земле, пре-
вратился в груду дымящихся обломков.
Но все новые и новые самолеты врага
без конца вылетали на серебристую вы-
строившуюся птицу, отважившуюся в оди-
нотку пролететь над чужой землей. Так
стая вороны нападает на раненого орла.
Был уже выведен из строя один мо-
тор, затем второй, горели плоскости, вде-
рнаты разбитая приборная доска. Кааало-
сет, нет спасения трех боевым друзьям на
борту этого, обтянутого дымом и пламенем,
самолета, падавшего на лед залива.
Черный дым окутывал кабину, пламя
рылось навстречу пилоту, обдавая не-
стерпимым жаром лицо. Быстрая искра
опалила шерсть на унтах, тлея комбина-
зон... Сейчас горящая машина врежется
в лед.
Идеешь?

Но что бы то ни стало надо удержаться
о лед не фюзеляжем, а крылом. Тогда,
может быть, люди останутся живы... Но
как это сделать, когда огонь слепит гла-
за, когда дым застилает все кругом, и не
видать ни неба, ни земли?!
И в последнюю минуту сквозь огневую
завесу услышали пилот знакомый голос
из штурманской кабины.
— Выбирай на себя! Тяни, тяни! Еще
давай! Рукой добрай, еще! Подбрай,
подбрай!
«Быстро чернел лед вокруг падающей
машины».
Летчик-истребитель Анатолий Нефедов
лет сном машину на вражеский остров.
Он шел, восторговывая в растопившуюся
под ним бескрайнюю снежную пустыню.
Влаги уже проступил берег, покрытый
валунами. Цель была близка, пальцы не-
редом легли на гашетку пулемета, и
только тут Анатолий заметил, что на
снегу, почти у самого берега, горит ка-
кая-то машина. Не наш ли это самолет?
Но боевое задание должно было быть
выполнено в точно указанное время, ни-
куча в минуту, секунда в секунду. Мель-
кнуло было отклониться от ваятого курса,
и дым остался позади.

Нефедов несся над самой землей, про-
чесывая расклеванным свинцом отмечен-
ный на его карте участок, и титно на-
таился помогать яростной атаке бывшие
силы аэники. После третьего штурмового
завода Нефедов набрал высоту и лег на
обратный курс. Его машина, рева мо-
том, понеслась к тому месту залива, где
горел лет вокруг падающей самолета.
— Наш!

Свернувшись было видно, как на фюзеляже,
уже потемневшем от гари копоти, выде-
лилась пятнистая звезда. А в стороне
от горевшей машины, падая и срываясь
на скользких уступах, по зеленоватым
торосам пробирались три человека. Они
шли к ягу, к далекому советскому берегу.
— Наши!
Люди на снегу разбежались в разные
стороны, пригнувшись за торосами, дожи-
ваясь, укрываясь от еще неизвестно
имя самолета Нефедов отлеп ручку
от себя, снижая машину; сейчас они не-
применно заметят звезды на его плоско-
стях. Но только при втором заходе Не-
федов увидел, как манит ему руками
три человека в таинке же комбиназон,
как и тот, что был на нем самом. Потом
один из этих людей упал на лед, а вто-
рой зачем-то стал быстро бегать взад и
вперед по снегу. При третьем заходе
опять увидел Нефедов непонятно лежа-
щую на льду человека и второго, все так
же торопливо шагнутого вперед, то
назад. Снежная пустыня простиралась под
плоскостями самолета, как огромный
булыжники лист, и на нем Нефедов вдруг
различил несколько огромных букв, от-
печатанных тяжелыми шагами человека в
легких летных унтах. Р — разорвал Не-
федов. А, М, Е, Н., РАНЕН — прочел он
все слово, а внизу усталый человек до-
писывал меленым шагом последнюю
букву, уже не такую четкую и понятную
сверху. Можно было лишь догадаться, что
человек хотел написать букву Ы.
— Ранены!

Надо помочь, надо немедленно помочь!
Каждую минуту раненых летчиков могут

настигнуть с вражеского берега. Но что
может сделать самолет, рассчитанный
только на одного пилота, что может сде-
лать возвращающийся после штурмовых
атак истребитель, в баках которого едва
хватит горючего, чтобы добраться до
своего аэродрома?
Нефедов покачал плоскостями машины
бодритесь, друзья, держитесь, скоро при-
дет помощь! Несколькими заходами, на
всякий случай, он указал гледищем
вверх людям точный курс к ближайшей
базе, и истребитель на полном газу пошел
к своему аэродрому.
Со старта Нефедов стремглав бросился
к командному пункту. Сразу же заволил
телефон, и по проводам к старшему
командованию понеслась весть об опасно-
сти, угрожающей трем летчикам, затеря-
нным в ледяной пустыне. Командование
сообщило: истребитель Нефедов просят
разрешение выйти на связь. Он берега
на обыкновенной учебной машине по од-
ному доставит героев на советскую зем-
лю.
Разрешение дано. Баки учебного само-
лета заняты горючим.
Самолет легко отворчался и пошел на
залив.
Погода резко ухудшилась. Пришлось
лететь на высоте в 100—150 метров. Но и
на такой высоте с трудом удавалось раз-
личить, что творится внизу на льду. На-
де же было видно ни горящего самолета,
ни его экипажа.
— Может быть, я обился с курса? Вер-
нуть? Нет, во что бы ни стало надо
их найти!
И летчик Нефедов дожидая курсом на
юрд, учебный самолет идет прямо к вра-
жеским берегам, где еще каинибудь
час или полтора назад по боевой машине
Нефедова бесостановочно были зонтиче-
орудия и пулеметы. Вот они, эти берега,
застывшие в злобном безмолвии. Густая
дымка скрывает от них бесзачинную
машину и ее отважного водителя. Нефедов
идет вдоль берега, он узнает мысок, над
которым проходил недавно, направляя
свой истребитель к месту залива, где го-
рела машина. Теперь курс безуслово вер-
но. Проходит несколько напряженных ми-
нут, и Нефедов различает вперед еще
дымящийся остов самолета.
Нефедов идет над самым залывом, ста-
раясь не потерять следы трех человек,
улягившихся к ягу. Следы скопились
и расходились, как бы рассказывая о том,
что люди выжили из себя, люди шта-
ются от усталости, еде держатся на ко-
лач.
И вдруг следы всех трех человек про-
пали!
Люди исчезли!
Там, где обрывались человеческие сле-
ды, ронял снежный покров был истер-
чен лыжами. Чья же это лыжи? Ближе
еще финский берег — не принадлежало ли
туда аэросани противника, чтобы захва-
тить советских летчиков? Но наши живы-
не сдались бы, а следов борьбы не
было...
Кружась над площадкой, истерченной
ронными подолами, пристально взгля-
дывая Нефедов в лыжные следы. Следы
ведут в сторону, противоположную на-
правлению ветра. На валет, что ли? Потом
средний лыжный след обрывается. Прави-
льно, поднялось хвостовое оперение...
Затем обрывается и следы двух крайних
широких лыжи, а впереди виднеется
два легких касания по снегу. Ясно — са-
молет! И, конечно же, наш!
Ширная лыжня, ширина колеи — все
говорило о том, что только-что здесь опу-
скался большой советский самолет, вы-
шедший на аэроз, как только была пере-
дана по всем проводам тревожная весть о
трех летчиках, которых нашел Анатолий
Нефедов.
И снова Нефедов взял курс на родной
аэродром.
Три Героя Советского Союза, товарищи
Пинчук, Харьмов и Белогуров рассказыва-
вали, как забитые их сердца, когда аэ-
теринные в снежной пустыне, раненые
в боях, обожженные и обесчеленные, они
вдруг увидели над собой красные звезды
на плоскостях истребителя. Они не ала-
ли имени пилота, который вел над ними
свою боевую машину, но они знали, что
это — краснозвездный гонец матери-
родины, возвращающий им жизнь для
вой войбой.

Геннадий ФИШ, В. ХОДАКОВ
«БАРЫНЯ»

Его не знает народная песня «Барыня»! Не знает балетисты на вокальных выступлениях, под ее плясовую ритмику молодежь водит веселые хороводы. Но мало кто слышал «Барыню-сударыню» в театре при исполнении пулеметчика Григория Ягодкина.

Наша пехота вела упорный бой с противником, который пытался ее окружить. Командир подразделения приказал младшему лейтенанту Ягодкину с его пулеметом выдвинуться вперед и задержать бегущего противника. Молчаливый и скромный, ничем не отличающийся внешне от тысяч других бойцов и командиров, Ягодкин спокойно повторил приказание и отправился его выполнять. Медлить было нельзя, он на ходу еще раз проверил пулемет, дал последние наставления бойцам и по глубокому снегу двинулся навстречу врагу.

Противник выдвинулся с озером. Он уже прошел его и пробирался по мокрому снегу на откос берега, пытаясь охватить нашу пехоту. Но здесь на гребне, пригвоздившись в спину, их ждали раставленные Ягодкиным пулеметы. От ураганного огня, открытого взводом Ягодкина, бегущие враждебно открыли назад. Но вскоре они разгадали, что перед ними лишь горстка храбрецов, и решили окружить пулеметчиков и уничтожить их.

Белофинны наседали со всех сторон. Несколько пулеметчиков было ранено. Бойцы вели перед собой овердевшие ветки. Ягодкин увидел, что некоторые из них дрогнули. Он подполз к замочающему пулемет и отстранил раненого бойца. Теперь савось прорыв прицела пулемета смотрел, прищурившись, лучший пулеметчик части. Он увидел, как, восполнявший молчанием пулеметов, белофинны поднимались и побежали в атаку, выпрямившись во весь рост. Их было много. Ягодкин нажал на пусковую спусковую рычажку и как очередь по врагу. Несколько белофиннов, как подрубленные, повалились в снег. Падали они строго выманивая руками и подымали ноги, словно в какой-то веселой пляске.

Ага! Записали! — усмехнулся Ягодкин и стал выстукивать на своем пулемете четкий и знакомый всем ритм веселой плясовой «Барыни». Этот ритм, повторенный эхом, разносился над лесом и озером. Его услышали пехотинцы, его услышали враги, но только пулеметчики видели как под этот веселый выстукивающий ритм падали подоспевшие враги. И, несмотря на всю трудность и опасность положения, они не могли удержаться от смеха, и, смеясь, вновь подползли к своим пулеметам и своим огнем поддерживали «Барыню» Ягодкина. Атака была отбита. Ягодкин переползал от пулемета к пулемету. Устранял все задержки и подбирал своих бойцов. Противник снова поднялся в атаку и снова был отброшен. Затем Ягодкин приказал пулеметчикам взять раненых и отойти к пехоте.

— Задание выполнено. Я буду прикрывать ваш отход, — сказал командир бойцам.

Зимой на севере темнеет очень рано. В сумерках пулеметчики отошли, вынесли раненых и пулеметы. Ягодкин остался обеспечивать неприятеля огнем.

На рассвете он пришел уставший от боя, волоча за собой пулемет, и счастливый тем, что боевой приказ выполнен.

Через несколько дней Ягодкина назначили командиром пулеметной роты.

На оборонном заводе, где до этой осени Григорий Михайлович Ягодкин работал начальником отдела кадров, все знали о том, что он стойкий и принципиальный большевик, и партийный билет, полученный им в 1929 году, он носит с честью. Все знали о чистоте и организованности его в работе, о его работоспособности и аккуратности. Но вряд ли кто из окружающих и даже друзей предполагал, что вот этот сугубо штатский человек, скромный и даже немного застенчивый, окажется выдающимся по своей доблести воином Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И никого уж не мог

предполагать, что им будут восхищаться не только работающие рядом с ним пулеметчики, но что слова о нем прозвучат среди тысяч бойцов.

Батальон получил приказ занять в тыл неприятелю. Вместе с батальоном шли пулеметчики Ягодкина. Было очень холодно. Командир проверил, все ли пулеметы готовы к безотказной работе.

— Если ленты намерзли, то сначала дай короткую очередь, и пусть второй номер тянет ленту. Нагреется пулемет — будет работать сам, — советовал Ягодкин.

Шли ночью, взрыхляя снежную целину. Тянули за собой пулеметы на самодельных алмазных устройствах. Белофинны заметили у себя в тылу наше подразделение и стремились вытеснить эту завозу из своего тыла, окружив отряд. Противника было во много раз больше.

Батальон залег. Бойцы стали окопываться. Из лесу к переднему краю нашей круговой обороны вышел отряд белофиннов. Они говорили и ругались по-русски, и больше ругались, чем говорили. (Они были так убеждены в своей победе, что горячились похвальные песни и предлагали бойцам сдаваться, говоря, что у отряда нет другого выхода. По всему было видно, что это — большая шайка отборной русской белофинской армии. Красноармейцы отвечали огнем винтовок и гранатами.)

Ягодкин раставил пулеметы кругом. Против белофинней он выдвинул вперед свой лучший пулеметный расчет, с наводчиком Панфиловым. Он понимал, что этому расчету придется вынести самый ожесточенный бой.

— Стрелять только короткими очередями. Береги патроны, — напутствовал он. Все силы удара ширяли на себя пулеметчики.

Белофинней с воим бросились в атаку, стараясь прорвать кольцо обороны. Пулеметчики отбили атаку.

Ягодкин проверял, как работают боевые расчеты, предупреждая возможные задержки, ободрил бойцов.

Но вот замок вперед пулемет Панфилова. Ягодкин подполз к нему. Бойцы с волнением следили за каждым движением своего командира. Он нервничал, добрался до пулемета. За шитом, припав лицом к замку, лежал пулеметчик.

— Панфилов, ранен? — спросил командир.

Ответа не было. Ягодкин отстранил бойца, и тело сползло в снег.

Командир попробовал открыть огонь. Пулемет не работал. Он был поврежден вражеским огнем.

— Ладно, пробормотал Ягодкин. И тут он увидел, что к умокляющему пулемету подбираются три белофинна. Пулемет не действовал.

Тогда Ягодкин отполз на несколько метров и подобрал лежащую на снегу винтовку. В магазине было четыре патрона. И, мстя за своих боевых товарищей, Ягодкин уничтожил ими вражеского врага. Затем, сняв замок, он вернулся к своим. Под утро, когда уже таяли все патроны, пулеметчики вместе с пехотой прорвали неприятельское кольцо.

В лесу, возле землянок, бойцы и командиры окружили Ягодкина. Они восхищались пулеметчиками — героями дня. А командир стрелкового подразделения долго молча смотрел на Ягодкина, потом подошел к нему, сжал в объятиях и сказал одно только слово: — Спасибо!

Ягодкин ответил: — Все работало!

Потом помогал и добавил: — Вот Панфилов погиб...

Отшел в сторону и отвернулся. И все видели, как у неподвижно стоявшего у сосны Ягодкина от сдерживаемых слез вздрагивали плечи.

На другой день наши части вели наступление на высоту, и слова далеко по лесу разносились четкий ритм «Барыни».

СТИХИ ШКОЛЬНИКОВ

В августе нынешнего года будет происходить всесоюзная олимпиада детского художественного творчества. Готовясь к олимпиаде, Московский дом художественного воспитания детей организовал конкурс на лучшее литературное произведение. Ниже мы печатаем несколько стихотворений из числа поступивших на конкурс.

Лирическое

Ночь пропитана запахом яблок, Спит созвездья, дрожа на весу. Одинокий, залучивший зыблук, Урони колокольчик в лесу.

Вот река. Я стою у откоса. В свежих волнах семенов всплеснул... Может, здесь, на синеватых плесах Загорелый ниль потонул.

Ну и что ж, мне не жалко июля. Он поивит, солнечный, вновь. Пролетит, промелькнет, как косуля, В частой поросли хвойных лесов.

Он придет в резном звоне колосьев, Закружится в разноле дугах, Запоса золотистые косы Над головками нестрых цветов.

Над обветренным август зареялся На бруснике, на кистях рябин, Ну и что ж, мне приятно на сердце, Хоть и ветер с утра загубил.

Тучи небо укутали сильно, Ну и что ж, если чуть погода, Нашу землю облетит обильно Очень гибкие струя дождя.

Ну и что ж, если я на рассвете Не услышал малинового звука, — Так зато буду радостно пить я Про обилие наше вокруг.

В поле плещется шумная овинка, За оврагом русак промелькнула. До меня долетел из колхоза Мологилки торжественный гул.

Ну и что ж, если близится осень — Мне и жить, мне и петь хорошо. Пусть досушке ветры приносят Тучи в край наш болячий, большой...

Николай ПОЛЯКОВ, 17 лет ученик 8 класса (Первомайская школа, Шумячский район, Смоленская область)

Портрет

Я вхожу в гостеприимный дом, Небольшой портрет перед столом Накрепко в простую рамку вставлен. Узнаю того, кто всем знаком, Имя чье на всех наречьях: Сталин.

Взгляды его — луч солнца огневой, В комнату вошедший целью ставен... Тот дороже, ближе нам всего, Тот чье сердце ласкает: Сталин.

Сталин никогда не будет стар. Он может, он мудр, он неустанен — Тот, который солнцем нашим стал, Имя чье звучит беспрестанно: Сталин.

Юрий ГРУНИН, 18 лет ученик Художественного училища (Казань)

Походное

(Военно-Осетинская дорога).

Палатки, снега и обрывы Остались в зеленой дали. Крутые дороги извивы Опять перед нами легли.

Пусть ветер кружит над лесами, Рюкзак не давит плечо, А солнце встает над горами — Задорно, Светло, Гордчо!

Пусть скалы нависли над нами, Пусть горный осыпался склон, Пусть метет холодное шамань, Пусть кружит бурный Цейлон!

Тропинкою узкой и торной Недвижный обвал обтомом, И шарь голубого простора В груди разгорится огнем.

А вечером, в солнечном море, Попадется как бы сне, Затерянный домик Бурана И флаг на выской сосне.

Ирина ОСТРОВСКАЯ, 15 лет ученица 8 класса (Ленинград)

Приглашение

Приезжайте к нам. Наш край — как песня. Завтра ли, сегодня ли, мы вас ждем. Мы вас примем ласково и с честью, Угостим насладу медовым питьем.

Мы живем просторно. Дом наш светел. За окном высоким шумят сады, Яблони с черемухой (поискать по свету!) Все в цвету склоняются у синей воды.

Золотом богато, мы живем в колхозе. Животом засыпаны наши закрома. Наша рыба в реках, наши в небе звезды. На земле все наше, и земля сама.

Мм... Да разве это рассказать словами? Разве упомянешь обо всем? Лучше приезжайте, увидите сами, Чем мы богаты, как живем!

Сергей ОРЛОВ, 17 лет ученик 9 класса (Белозерск)

Август

Расплавлен день плывущим зноем, Плещет солнце шар земной. А небо синее таково, И август солнечный такой!

Оркестров медь слышна, И песни В крутую реку синеву. Валетая песни в поднебесье И криком нас с собой волеву.

Маячат крепких гор отроги, Звенят у холмика ручей. И синевы кругом так много, Хоть зачерпни ведром, да пей.

Мы любим август — месяц гуляк Чугунных грох и синевы, Когда в полях и переулках Кипень слышится травя.

В морозный день, взглянув на тень, Снежком упрямим закруста, Об августе мы вспомним синем, Неможно, может быть, груста.

Константин ЕВСТАФЬЕВ, 16 лет ученик 8 класса (Аптайский край)

Ганна

Отрывок из поэмы

Разошлись туманы к утру. Тишина за пляхом. Видит Ганна — поле, мостик Над сухим оврагом.

По откосу вербы, хагы. Заперты ворота. Отвсюду на дорогу Смотрят пулеметы.

За камнями вдоль оврага, За плетнем за серым, Под мосточком, за кусточком, Вдоль офицера. Ганна в лес вернуться хочет, По опушке кружит, Где-то близко рысая очей! Близко пан хоружий!

Побежала Ганна чащей, Повернула логом. Вон он, шлям! Восток алдеет: Пусто на дороге.

Зарумянились деревья Желтые вершины. Слышит Ганна грохот стали, Слышит шум машины.

Тихим полем, перелеском, Розовой полянкой, Вместе с солнцем подползают Великаны-танки.

Видит Ганна — на машине Алевый флажок. Закрыла, побежала, Не считая кочек... Подбежала прямо к танку И рукою машет:

«Стойте, братья! Там за лесом Есть крутой овражек... Мостик там за поворотом... Вон тропинка ветхая... Машет Ганночка рукою, Плещет и смеется.

«Той тропинкой доведу вас До волшебной берлоги».

Командир сказал: «Спасибо. Не свернем с дороги, Слишком много панам чести Обходить лесочком! Хватит пары пулеметов, Пролоди их, дочка!»

Пляхом двинулась колонна Два бойца — за Ганной. Шестист стволы стальные Меж листьями барганы. Не успев тропка логом Вынести к опушке, Как пальнули по засаде Танковые пушки. Вместо моста над оврагом Столб огня и дыма!

Два бойца легли за кустик С ружьями стальными. Часто-часто застучали... Застрочили с тыла, И отсюда, и отсюда Бьют панов постылых. Обтоку охоту волюк Шеджать — огрызаться! Побежали офицеры По полю, как зайцы. Два бойца глядят на Ганну: «Молодец дивчина!» Из-за леса солнце встало, Солнце Украины!

Татьяна ПИВОВАРОВА, 16 лет ученица 8 класса (Москва)

Хочу, чтобы весна...

Хочу, Чтобы весна повадню могучей, Все дальше раздвигала берега, Чтоб этот день мой, В жизни самый лучший Стоял всегда И никогда не гас!

Шура КАГАНОВ, 16 лет ученик 9 класса (Гомель)

Студентка Хасия Намардинова, окончив театральный институт имени Луначарского в Москве, вернулась на родину в Назарстан. На снимке: Хасия Намардинова в гостях у Джабула. Фото М. Альперта.

Ленин в «Кремлевских курантах»

А. МАЦКИН

Н. Асеев опубликовал отрывки из сценария о Маяковском. Он скромно назвал их «эскизами на сценарий». Очевидно, его работу нельзя еще рассматривать как законченную. Но есть здесь один эпизод, в котором стоит остановить внимание уже теперь. Я имею в виду появление Маяковского в Смольном.

Маяковский в коридоре Смольного. Влади приходит Ленин. Маяковский поворачивается к нему. Владимир Ильич исчезает за дверью.

Мы знаем: Маяковский мечтал о встрече с Лениным. Встрече этой не суждено было состояться. Вправе ли мы пригнуживать ее? Конечно бы, здесь нет нарушения исторической правды. Так могло быть. Достоверность этого эпизода не вызывает сомнений. Сомнения вызывает иное. Вправе ли мы вообще так волюно привлекать Ленина в участие в таких сценариях и пьесах?

Маяковский говорил, что когда актер принимает позу на Ленина позы и делает походя телодвижения, то он похож не на Ленина, а на все статуи с него. Не слишком ли мы злоупотребили таким роде инсценировкой? В опере Кренинкова «В бурю» Ленин появляется только для того, чтобы произнести несколько обходных фраз и тотчас же покинуть сцену. Мы чувствуем неудовлетворение. Нам слишком дорога эта встреча, чтобы пригнуживать с тем, что она так притворственна и малоосмысленна.

История воспринимается как данность, она только излагается. Мы заинтересованы в другом — в пьесах, делающих нас соучастниками возникновения и развития деннических идей.

«Кремлевские куранты» Н. Погодина вносят нечто новое в изображение Ленина в нашем искусстве. Сфера действия «Курантов» уже не самое время, не широкое течение жизни, а события, общественные события в пределах господствующей идее пьесы. Историческая точность здесь соблюдается не в частных изображениях, а в самом духе драмы.

У Погодина есть, например, такая сцена: Ленин после охоты, в лебе озеро Чудова знакомится с его сыном Романом, деревенским пролетарием. Ленин задает ему неожиданный и полный лукавого любопытства вопрос: «А что это такое пролетарий?»

Потустовая в вопросе Ленина что-то неладное, старый актер говорит, что он считает чудачеством театральные увлечения сына. Мы с вами, уважаем его Ленин, «старомодные люди».

Нет никакого сомнения, что такой разговор в действительности никогда не происходил, впрочем как не было и нотного разговора о любви с матросом Рыбаковым, которому Ленин говорит так:

— Вы не старайтесь по-новому любить. Любите по-старому.

Ленин, утверждавший, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции, говорит о себе, что он человек «старомодный» и что любить надо «по-старому». Как понимать эту «старомодность»?

по тому, были ли они сказаны, а по тому — могли ли они быть сказаны. Не только то, что говорил Ленин, но и то, что он мог бы сказать... И это «мог бы» и есть начало искусства. Факты, переобразные поэзией, но поэзией, оставшейся в пределах точного исторического знания. Могут сказать: чем эти сцены отличаются от тех, которые мы уже видели в пьесах о Ленине? Разве мы до «Кремлевских курантов» не знали, что Ленин отрицательно относился к «Пролеткульту», во всякого рода буржуазно-анархическим теориям любви, к ложному и претенциозному новаторству, к буржуазному декадансу во всех его проявлениях?

И не в том ли только заслуга писателя, что известные уже нам представления он выразил в форме театрального диалога? Нет, «Кремлевские куранты» — первая пьеса, которая как бы доводит наше знание о Ленине.

Говорят, что в каком-то театре, уже поставившем «Кремлевские куранты», сцену в доме Чудова играют, как жанровую картину. Шутливый тон этой сцены не должен никого обманывать.

В доме самая сильная сторона таланта Погодина. Это не роборушный юмор бытописателя. Юмор его людей — это способ думать, это, так сказать, характер отношения к жизни, не легкомысленный, не шуточный, а очень реальный, чуждого преувеличений. Такой здравомыслящий юмор, по словам Толстого, есть типичное свойство мышления русского человека. Горький приводит выражение Ленина: «Юмор — прекрасное, здоровое качество».

Встречаясь с людьми из народа, Ленин не столько говорит, сколько слушает. Это особый талант внимания деятеля нового типа, непрерывно извлекающего из своих наблюдений государственные уроки: искусство наблюдать предполагает не только внутреннее самозабвение, оно требует особой манеры общения с людьми, манеры истинно демократической, распо-

лагающей к себе, затрагивающей в человеке самое его сокровенное струны. Часовщик, которого пригласили в Кремль, чтобы починить багетные куранты, рассказывает Ленину, Сталину и Джержинскому о своих невзгодах. Виртуоз своего дела, он унывает реставрируя ретражные старинные часы. Этот тонкий труд потребовал много времени, а его, как лодыря, лишили работы. В частном случае Ленин улавливает общий смысл: люди, в уравнивательности видящие принцип коммунизма, не понимают творческого характера труда и закономерно разных форм трудового участия в жизни.

Сталин говорит о Ленине: «Я не знаю другого революционера, который так глубоко перешел бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность классового инстинкта, как Ленин».

Вера эта выражалась в постоянном стремлении Ленина быть ближе к жизни и в самых явных ее проявлениях усматривать нечто, касающееся всего характера нашей революционной борьбы. Процесс познания жизни — самое важное в «Кремлевских курантах». И там, где мы получаем хоть сколько-нибудь приближенное представление о ходе лепной мысли, о гениальности его прозорливости, о его способности «быстро схватывать» и разлагать внутренний смысл надвигающихся событий, «Кремлевские куранты» приобретают животворещий интерес.

По всем законам драмы надо показывать героя в моменты наивысших конфликтов. Такого конфликта в обсерваторий смысле нет в «Кремлевских курантах». Что же придает драматизм пьесе? Я бы сказал: ленинская смелость проведения, мужество его мысли.

Почему у Кремлевской набережной к Ленину подлетит шпешка. Она пролетит молотливо. У Ленина не оказывается денег. Нет денег и у его спутника. Пытаясь, не подозревая, что перед ней, пренебрежительно замечает: «Сами вы хуже нищих».

Она жалуется на упадок своего ремесла. «Это ведь ужасно, — говорит Ленин, — даже побриушки живут хуже, чем до войны... Если сейчас сесть на воздухоплавательный аппарат и подняться над Россией, то у вас холодный пот выступит. Под вами окажется черная пропасть, огромная пустыня, где притаились полуживые люди...» И тут же он задает своему спутнику неожиданный в этой ночной обстановке вопрос: «Как вы полагаете, пройдет у нас электрификация?»

Случайная встреча с пионером словно заставляет Ленина выразить давнюю, застенчивую мысль — разоренная, пылая Россия должна быть электрифицирована. План электрификации — это был самый настоящий спяток в будущее. Таким образом, драматизм положения обусловлен самой историей. Здесь все признаки конфликта между мечтой и действительностью. Но электрификация для Ленина не беспилотный прирак. Ленинский план опирается на действительное развитие жизни, на веру в творчество масс. Английский писатель, с которым в другом эпизоде беседует Ленин, отступает перед силой ленинской мечты.

Разговор Ленина с писателем должен был стать центральным в пьесе, — тут сталкиваются философия революционного преобразования мира и так называемый естественный реализм филлистера. Формальная логика писателя, мящего себя пророком, его пошное представление об истории как о необятном поле случайностей, разоренность его мышления, плоская манера его суждений казались Ленину отрицательными. Но он понимал, что перед ним не совсем заурядный интеллигент. Шпешность мысли англичанина отнюдь не свидетельство его глупости. Это по личное свойство, это, так сказать, психология консерватизма.

Погодин с этим не посчитался, и мы увидели развязного скептика, наблюдательного только в мелочах. С таким человеком, пожалуй, нет смысла спорить. Меланхолический англичанин не такое очевидное. Английский писатель шпешит утихокожные домысли. Он высвет каюты будущего и

Советские писатели на финляндском фронте

Большой зал писательского клуба не мог вместить всех пришедших 27 апреля послушать выступления литераторов, побывавших на финляндском фронте. Все ряды ступеней, балконы, лестница — все было заполнено писателями, журналистами, художниками, летчиками, пограничниками, собиравшимися на этот вечер.

Первое слово председательствующий на вечере В. Вишневский предоставляет А. Исабаху. Он вместе с другими москвичами и ленинградскими писателями был на Карельском перешейке.

— Что приходилось делать писателям? — говорит Исабах. — Все то, что необходимо было для выполнения задачи командования и политоргана. Основная деятельность писателей и поэтов протекала в газете. Писать приходилось все, начиная от передовых и международных обзоров и кончая стихами, частушками, лозунгами, листовками.

А. Исабах рассказывает о героических боях 123-й, ныне орденской, дивизии, о славных ее героях. Особенно волнели его рассказы о героическом поступке красноармейца Яковлева. Потеряв во время атаки красную фуражку и будучи раненым, он оторвал полосу халата и, окрасив ее собственной кровью, водрузил, как красное знамя, на вражеском ДОТ.

В заключение А. Исабах прочел одно из стихотворений Е. Долматовского — «Праздник», напечатанное в походной газете в день 22-й годовщины РККА, которое заканчивается такими строками:

Мы не будем нынче на параде —
В бой идем мы, жизни не щадя.
Но о нас в Москве и Ленинграде
Будут песни петь на площадях.

Будут сводку ждать, волну настроив,
Вспоминая каждого бойца.
Сталин смотрит на своих героев,
Наполняя мужеством сердца.

Борис Агапов посвящает свое выступление невиданному героизму бойцов, замечательной советской военной технике, которая помогла бесстрашной Красной Армии победить врагов родины. Белоглинки хвастались, что у них, кроме генерала Маннергейма, есть еще «генерал Мороз». Но их железобетонные ДОТ лишили Маннергейма, ни лютого морозом не остановили победного натиска Красной Армии.

О роли печатного слова на фронте говорил Геннадий Фиш. Он рассказал о том, как заботливо и любовно относились бойцы к своей газете «Боевой удар». Во вре-

мя одного из боев была занята финская деревушка. После пожаров в ней уцелел единственный домик, который был отапливаем походной газетой. Когда не оставалось бумаги, красноармейцы сами ее раздобывали, всегда с нетерпением ожидая каждый свежий номер «Боевого удара». Работа эта была взаимной: редакция, находясь на передовых позициях, становилась иногда местом, где раненные бойцы получали первую медицинскую помощь.

Не только бойцы и командиры, и фельдшера, санитары, парикмахеры, работавшие восторгом проявляли на фронте лучшие свойства советских людей, для которых героизм стал обычной нормой поведения. Об этом говорил Л. Артуринский.

В одной из комнат клуба устроена выставка фронтовых газет, в которых сотрудничали писатели. О том, как сложилась и трудна журналистская работа в условиях войны, какой оперативности, выносливости, почта чисто военной подготовки требует от писателя работа во фронтовой печати, рассказал в своем выступлении Н. Богданов.

Чувство оптимизма и бодрости даже в самые напряженные минуты не покидал советского человека. Несколько лиричных эпизодов, подтверждающих это, рассказал ленинградский писатель тов. Поляков. Во время одного из сражений бойцам как-то пришлось укрыться от артиллерийского обстрела в воронке от снарядов. Один из опоздавших укрыться шута попросил остальных «спрыти вперед». Этим фразой было достаточно, чтобы завязался веселый «трамвайный» разговор: «Воронка, не разинувая», «Каску одел, а толкает», «Не напирайте, гражданин», и т. п.

Чувством юмора, жизнелюбием объясняется большая популярность сатирических отделов фронтовых газет, веселых стихов, частушек, песен.

В частности, широко известно было среди бойцов стихотворение И. Френкеля «Веселый человек».

Особенно большой известностью и гордчей любовью пользовались на одном из участков фронта стихотворные фельетоны Васи Граваткина. Под этим именем писали поэты А. Прокофьев, А. Сурков и А. Безмятежский, прекрасно изображающие в дружеских шарахах худ. В. Прокофьева, выставленных в клубе.

На вечере А. Безмятежский прочел отрывок из своей поэмы «Дорога», А. Твардовский — «Балладу о Красном Знамени», написанные поэтами на фронте.

Текст

А. РАСКИНА,
М. СЛОБОДСКОГО
и С. ШВЕЦОВА

Рисунки

Б. ПРОРОКОВА

МАИ

6.

1865 год. 75 лет со дня рождения Максима Ефремыча — дяди известного писателя Н. К. Занавескина.

Дядя М. Е. Занавескина на прогулке со своим знаменитым племянником. (Из семейного архива Н. К. Занавескина).

МАИ

КАК СОХРАНЯТЬ
ЗИМНИЕ ВЕЩИ ЛЕТОМ

У каждого есть старые зимние вещи. Для того, чтобы сохранить их летом, нужно прежде всего перевернуть их, затем положить на музыку и вынести в близлежащий парк (культуры и отдыха).

В таком состоянии вещи могут еще долго служить вам.

МАИ

8.

38-летний юбилей писателя Николая Капитоновича Занавескина (1902 год рождения).
Еще чей-то юбилей.
Разгар весенней охоты.

МАИ

ВОСЬМОЕ МАИ
ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

У меня была собака, Я любил ее однако. Мы ходили с ней на волка, Ждали утром глухаря. Только вышло мало толку, Я волка собаку зря, Мне с Трезором неохота Отправляться на охоту. Чтоб шенок не пропал, Я его передал.

У меня была собака, Я любил ее однако. Сделал разных книжек массу Для ребят любого класса, Для отрады, Для эстрады, Для работников дорог...
...Она дала кусок мяса —
...Я дела еще кусок!
С. Михалков

МАИ

15 лет со дня основания биллиарда при клубе писателей.

10 лет со дня написания поэтом Д. Мусусовым своего последнего оригинального стихотворения.

10 лет со дня написания переводчиком Д. Мусусовым своего первого перевода, положившего начало его плодотворной переводческой деятельности.

Еще чей-то юбилей.

МАИ

ДЕВЯТАТОЕ МАИ
СОВЕТЫ МОЛОДЫМ ХОЗЯИНАМ
Как приготовить салат «Весна»

Салат «Весна» является одним из наиболее излюбленных литературных салатов. Приготовляется он следующим образом: берется обыкновенный московский вечер, нагревается до нужной теплоты и разводится на 3-4 страницы. Затем к нему добавляются:

- свежих влюбленных 2-3
- тихий переулочек 1
- молодая луна 1
- будущий ребенок 1-2
- оглажившийся с улыбкой прохожий 1

Сахару, поцелуев и лимонной цедры — по усмотрению.

Все это заливается розовым майонезом, украшается мраморным вестником метро, пропускается через знакомого редактора и в таком виде продается на стол.

МАИ

10-летний юбилей с рождения у Н. К. Занавескина замысла его первого романа «Село Печатные Листы».

МАИ

ПЯТНАДЦАТОЕ МАИ
ДИСКУССИЯ
(Исследование)

Слово дискуссия, будучи разделено на составные части, дает ключ к определению основных групп дискутирующих.

1) Диск. Наиболее существенная группа. Участники ее мечут друг в друга тяжелые литературно-критические диски, стараясь повредить наиболее уязвимые места. Обычны при этом членовредительства и легкие увечья.

2) Ус. Спокойная и уравновешенная группа. Методично наматывает себе на ус ход баталии. В подходящий момент столь же методично насканивает на сражающихся сбоку.

3) И я! Малообразная, но выгнывающая кучка, врывающаяся в свалку с криками «И я!», «И я!» лишь для того, чтобы показать, что и они кое-что могут. Обычно побирается без особых усилий.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ

1930 г. Приезд Н. К. Занавескина в Сызрань для выступления перед массами.

МАИ</